

УДК 316.351

Кужелев Максим Александрович

старший преподаватель,

Донской государственной технической университет

Milena.555@mail.ru

Maxim A. Kuzhelev

senior teacher,

Donskoy state technical university

Milena.555@mail.ru

Индикаторы эксклюзии в стратегиях жизни молодежи российского села

Exclusion indicators in the strategy of life youth of the Russian village

***Аннотация.** В статье выявляются индикаторы диспозиционной эксклюзии молодежи села, которые имеют региональную специфику. Они снижают возможности интеграции сельской молодежи в городское сообщество и аккумулируют социальные риски. Повышение рискогенности адаптивных стратегий сельской молодежи неизбежно приводит к усилению аутсайдерства, и вытеснению молодых жителей сельской Юга России на периферию общественной жизни.*

***Ключевые слова:** социальная эксклюзия, образ жизни, сельская молодежь.*

***Summary:** In article indicators of disposition exclusion of youth of the village which have regional specifics come to light. They reduce abilities to integrate rural youth into city community and accumulate social risks. Increase in a riskogennost of the adaptive strategy of rural youth inevitably leads to amplification of an autsayderstvo, and extrusion of young residents of rural Russia of the South on the periphery of public life.*

***Keywords:** social exclusion, way of life, rural youth.*

В отечественной ювенологии, на протяжении длительного времени сохраняются дискуссии о месте и роли молодежи в современном российском обществе. По мнению Бабинцева В.П., Ушамирского А.Э., «жизнь молодежи России характеризуется сложной динамикой перемен на фоне трансформации традиционного архетипа, существующего в советских культурных формах, в различные модификации. Она осуществляется крайне неравномерно и непоследовательно. Для современной молодежи характерно исключительное разнообразие «духовных миров», специфика которых определяется сложными комбинациями внешних и внутренних факторов: демографических, профессиональных, этнических, социокультурных, экосоциальных и политических. Это разнообразие не позволяет однозначно

определить статус молодежи в российском обществе; но несомненно, она потенциально и субъективно настроена на лидерство. Однако было бы ошибочным не учитывать, что в развитии молодежи проявляется и противоположная тенденция – тенденция к социальному аутсайдерству».[1] Факт социально-экономического аутсайдерства определяется через неблагоприятные условия жизни: бедность, недоступность качественного образования, безработица, отсутствие жилья и возможности его приобрести.

Авторы подчеркивают, что социально-экономическое аутсайдерство молодыми белгородцами не воспринимается как нечто фатальное: лишь 1,6% отнесли себя к «не имеющим перспектив в жизни, обреченных на неудачу», тогда как 37,8% чувствуют себя комфортно и считают хорошо приспособленными к жизни, 28% относят себя к «испытывающим временные трудности, но имеющим хорошую жизненную перспективу»[2]. Тогда как по ЮФО к социальным аутсайдерам себя причисляют: в Ставропольском крае 14,4% молодых людей в возрасте 18-24 лет и 9,4% - 25-30 лет, в Карачаево-Черкессии соответственно 6,1% и 20,8%, в Краснодарском крае 5,7% и 13,8% и в Дагестане 4,3% и 1,4% респондентов[3]. Сравнительный анализ приведенных результатов свидетельствует о неудовлетворенности молодежи Северного Кавказа своим материальным положением и качеством жизни в целом. Жизненные перспективы ими оцениваются даже хуже, чем в среднем по России. Кроме того, социально-экономическое аутсайдерство имеет региональную специфику. Если в Белгородской области удельный вес аутсайдера не велик, то на Юге России оно получило широкое распространение среди молодежи города и села.

Превращение аутсайдерства в феномен сознания молодых сельчан проявляется в специфических установках и мотивациях. В содержательном отношении, по мнению Бабинцева В.П., Ушамирского А.Э., данные установки и мотивации могут быть охарактеризованы несколькими особенностями: «во-первых, они в настоящее время и в перспективе не в состоянии обеспечить легитимный жизненный успех личности; во-вторых, их невозможно рассматривать как реальную основу для саморазвития личности. В лучшем случае, эти ценностно-мотивационные паттерны обеспечивают адаптацию к аномальной по своим важнейшим характеристикам референтной среде, например, к криминальной и полукриминальной культуре; в-третьих, они максимально динамичны. При этом вполне естественная динамичность молодежного сознания, отражающая его переходный характер, гипертрофируется до тотальной условности духовных артефактов в сознании молодого человека. Для него становятся допустимыми любые взгляды и убеждения, что, впрочем, является следствием не уважением к ним, а, как правило, безразличия, неумения и нежелания сделать нравственный выбор; в-четвертых, даже эти максимально динамичные комплексы сознания обретают вид симулякров – искусственно созданных конструкций, лишенных объективных оснований»[4].

Выше перечисленные установки и мотивации выступают в качестве компенсаторных механизмов социальной эксклюзии в процессе адаптации

молодого поколения к ситуации неопределенности жизненных перспектив. Атомизация сознания как индикатор диспозиционной эксклюзии молодежи города и села ускоряется процессом распространения информационных технологий и событийной инженерии. В результате, вся социальная жизнь в контексте поддержания горизонтальных связей и взаимодействий реализовывалась, по мнению Гидденса Э., в качестве «группирования контекстов в пространстве-времени», лишенном таких традиционных понятий как «конкретное место» и «точное время». Соответственно и структура общества становилась дуальной: «повседневный путь» и «жизненный путь» молодого человека стал выражаться во взаимообусловленности и неразделенности[5].

Данная неразделенность обозначалась в эффекте «укорачивания» жизненных планов. Однако в России эффект «укорачивания», на данный момент получил распространение и явно прослеживается социологами среди генерации сельской молодежи в виде отказа от образования, и распространении принципа «жизнь в кредит». Помимо эффекта «укорачивания» указанную генерацию российской молодежи характеризует не конструктивность мышления в сочетании с рискованными практиками.

Складывается ситуация, при которой миграция молодого человека из сельской местности в город потенциально содержит риск отказа от культурных традиций и норм сельской культуры, и таит в себе угрозу возрастания риска аутсайдерства при условии неблагоприятной адаптации к городскому образу жизни. По существу адаптация к городскому образу жизни способна трансформировать образ жизни сельского юноши или девушки, прибывших в город, не через включение и интеграцию, а по средствам угрозы исключения. Парадоксальность заключается в том, что оптимистические надежды молодых сельчан повысить свой жизненный уровень по средствам приобретения образования и приобщения к городскому образу жизни в реальности оборачивается повышением риска нисходящей социальной мобильности. Однако негативные перспективы не принимаются сельской молодежью во внимание.

Таким образом, миграция малообеспеченной сельской молодежи в город не столько расширяет социальную базу оргприступности, сколько несет потенциальную угрозу нарастания социальной напряженности.

С другой стороны, социологи отмечают, что с возрастом доля молодых людей, неудовлетворенных своим материальным положением во всех регионах Юга России растет. В Карачаево-Черкессии и Дагестане эта тенденция проявляется особенно заметна: с 47,4% до 12% и с 50,7% до 34,4% соответственно. Такой резкий скачок, по мнению социологов, обусловлен в значительной степени тем, что с вступлением молодых людей в «самостоятельную взрослую жизнь» происходит снижение их социально-экономического статуса. Так, в Дагестане к среднеобеспеченным относят себя 45,3% молодых в возрасте 25-30 лет и 60,2% - 18-24-летних; к низкообеспеченному – 36% против 22,4%. В Карачаево-Черкессии соответственно 41,7% и 50%. На Кубани отмечается «мягкий» переход во «взрослую жизнь»:

к среднеобеспеченному слою населения относят себя 43,9% и к низкообеспеченному – 39,6% 25-30-летних и соответственно 52,8% и 35,8% молодых людей в возрасте 18-24 лет[6].

В период стабилизации российской экономики снижение социально-экономического статуса сельской молодежи канализировалась через практики политической мобилизации с целью получения краткосрочных эффектов различными политическими силами. По мнению Бабинцева В.П., Ушамирской Г.Ф., Ушамирского А.Э, в результате подобных манипуляций «молодые люди, получившие примитивные навыки политического действия и столь же примитивные идеологические принципы, но не имеющие возможности реализации своих амбиций в иных сферах, становятся социальной базой экстремистских организаций. Негативные последствия вовлечения молодежи в орбиту подобных групп и идеологий состоят не только в принятии и рутинизации насилия как наиболее эффективного или даже единственного способа достижений политических целей. В сознании молодежи реальные причины существующих социальных проблем, поиск и осмысление которых требует известных когнитивных усилий, замещаются быстро усваиваемыми идеологическими фикциями и иными симулякрами. Многогранная реальность описывается в категориях простых решений типа этнических чисток как универсального способа урегулирования многочисленных проблем – от межэтнических конфликтов до преступности, роста цен на рынках и безработицы, хотя практика показывает, что реализация подобных решений лишь в очень немногих случаях снимает проблему»[7].

Так, Яницкий О.Н. в данной связи замечает, что «быстрое развитие негативных солидарностей не может быть объяснено только экономическими и политическими причинами. Культура прошлого, совсем недавнего и более далекого, продолжает оказывать свое влияние. Привычка к дармовщине, и вообще жизни за счет «другого», культ силы и завышенные ожидания, утеря элементарной трудовой этики, желание «работать по-советски, а жить по-американски», отношение к чужому добру как к своему собственному, в конечном счете, стремление иметь все без особых усилий, причем «здесь и сейчас» - все это рецидивы культуры советского периода, за которой проглядывают пласты архаической российской культуры. Эта культура, подпитывая негативные солидарности, как не парадоксально, предохраняет общество от социального взрыва, но – за счет снятия его способности к модернизации»[8].

Но подобным образом негативные солидарности не оберегают от воздействия агрессивной среды атомизированного индивида. По мнению Яницкого О.Н., «если на поверхности советской системы находился человек послушно-карьерный, то с ее распадом на переднем плане оказался человек ловкий, ориентированный на ближайший успех и не связанный ни ценностными, ни социально-групповыми рамками ответственности»[9].

Период стабильности охарактеризовался своеобразным ренессансом советского застоя. Вновь на поверхности человек послушно-карьерный,

однако, человек ловкий не ушел в тень. Легализация криминального и полутеневого бизнеса создает экономический базис для социального маневра. И в сложившейся социокультурной ситуации современная молодежь, и в особенности сельская становится объектом пристального внимания со стороны различного рода «аркестровщиков сети».

В целом имеющая все шансы на успех и лидерство в межпоколенческом соревновании, современная российская молодежь раздроблена на группы и группировки, сообщества и секты. Накапливает риски и тем самым снижает свой потенциал. Утверждаться в жизни особенно трудно сельской молодежи. Испытывая на себе в основном действие негативных социокультурных факторов, молодые жители села все же полны оптимизма и уверенности в завтрашнем дне. На наш взгляд, данный оптимизм является самым ценным ресурсом и социальным капиталом. Остается надеется, что данного запаса прочности окажется достаточно для преодоления трудностей и преград при достижении жизненных целей.

Таким образом, в стиле жизни молодежи российского села проявляется две противоположные тенденции: лидерство и аутсайдерство. Преобладание лидерских качеств сельской молодежи корректируются социокультурным пространством. Однако, имея все шансы на успех и лидерство в межпоколенческом соревновании, сельская молодежь раздроблена на группы и группировки, сообщества и секты, что снижает ее потенциал и способствует накоплению рисков. Испытывая в основном действие негативных социокультурных факторов, молодые жители села все же полны оптимизма и уверенности в завтрашнем дне. По мнению автора, оптимизм сельской молодежи является самым ценным ресурсом и социальным капиталом.

Тенденция аутсайдерства обусловлена социально-экономическими условиями жизни: бедностью, недоступностью качественного образования, безработицей, отсутствием жилья и возможностью его приобретения. Проведенный в работе сравнительный анализ результатов социологических исследований, свидетельствует о неудовлетворенности молодежи Северного Кавказа своим материальным положением и качеством жизни в целом. Жизненные перспективы ими оцениваются хуже, чем в среднем по России: к социальным аутсайдерам себя причисляют: в Ставропольском крае 14,4% молодых людей в возрасте 18-24 лет и 9,4% - 25-30 лет, в Карачаево-Черкессии соответственно 6,1% и 20,8%, в Краснодарском крае 5,7% и 13,8% и в Дагестане 4,3% и 1,4% респондентов.

Таким образом, среди сельской молодежи ЮФО преобладают компенсаторные практики преодоления социально-экономических причин аутсайдерства, что не позволяет молодым жителям Северного Кавказа чувствовать уверенность в перспективах дальнейшей жизни. Поэтому тенденция к аутсайдерству рассматривается уже в качестве диспозиционной. Осознания тенденции аутсайдерства молодыми сельчанами проявляется в специфических установках и мотивациях, которые выступают в качестве

компенсаторных механизмов социальной эксклюзии в процессе адаптации молодого поколения к ситуации неопределенности жизненных перспектив.

В настоящее время социологи выделяют следующие индикаторы диспозиционной эксклюзии молодежи села: неспособность оценить шансы на успех различных жизненных стратегий; отсутствие адекватной оценки своей жизненной ситуации; аполитичность в сочетании с кризисом доверия; возрастание конфликтности и агрессии; отказ от следования социокультурным традициям; «укорачивание» жизненных планов, переориентация на стратегии выживания; атомизация сознания, с элементами неконструктивности мышления. Эти индикаторы имеют региональную специфику. В целом по ЮФО все факторы, кроме фактора отказа в следовании культурным традициям, превышают общероссийские показатели, что снижает возможности интеграции молодых селян в городское сообщество, избежав воздействия негативных солидарностей. Последние являются генетическим порождением советского прошлого, и аккумулируют социальные риски. Повышение рискогенности адаптивных стратегий сельской молодежи неизбежно приводит к усилению аутсайдерства, и вытеснению молодых жителей сельской Юга России на периферию общественной жизни.

Следовательно, чем старше представители молодого поколения, тем ниже их оценки материально-экономического благосостояния, и меньше притязания. Это позволило социологам зафиксировать диспозиционную эксклюзию. Структурно закрепленное исключение является результатом социокультурного развития российского общества на современном этапе. В перспективе тенденция на аутсайдерство должна компенсироваться тенденцией на лидерство за счет присущей любому молодому поколению оптимизма и инициативности.

Литература:

1. *Бабинцев В.П., Ушамирский А.Э. Российская молодежь: социализация как социальная адаптация // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. -2016. № 17 (238). С. 86.*

2. *Там же, с. 86-87.*

3. *Авксентьев В.А., Лукичев П.Н., Тарасова Т.Т., Суций С.Я., Шульга М.М. Социально-политические настроения молодежи Юга России: риски радикализации // Вестник Южного научного центра РАН Т.10. №1. 2016. С.92.*

4. *Бабинцев В.П., Ушамирский А.Э. Российская молодежь: социализация как социальная адаптация // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. -2016. № 17 (238). С. 86-87.*

5. *Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2005. С. 134.*

6. *Авксентьев В.А., Лукичев П.Н., Тарасова Т.Т., Суций С.Я., Шульга М.М. Социально-политические настроения молодежи Юга России:*

риски радикализации // Вестник Южного научного центра РАН Т.10. №1. 2016. С.96.

7. *Бабинцев В.П., Ушамирская Г.Ф., Ушамирский А.Э. Молодежь как субъект региональных конфликтов // Знание. Понимание. Умение. -2016. № 1. С. 94-103*

8. *Яницкий О.Н. Критические состояния среды жизни и способы адаптации к ним // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей] / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. М., Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 58.*

9. *Там же, с. 62.*

Literature:

1. *Babintsev V. P., Ushamirsky A.E. Russian youth: socialization as social adaptation//Scientific sheets of the Belgorod state university. Series: Philosophy. Sociology. Right.-2016. No. 17 (238). Page 86.*

2. *In the same place, page 86-87.*

3. *Avksentyev V. A., Lukichev P.N., Tarasova T.T., Real S.Ya., Shulga M.M. Socio-political moods of youth of the South of Russia: risks of radicalization//Bulletin of the Southern scientific center of RAS T.10. No. 1. 2016. Page 92.*

4. *Babintsev V. P., Ushamirsky A.E. Russian youth: socialization as social adaptation//Scientific sheets of the Belgorod state university. Series: Philosophy. Sociology. Right.-2016. No. 17 (238). Page 86-87.*

5. *Giddens E. Organization of society: Sketch of the theory of a strukturation. M, 2005. Page 134.*

6. *Avksentyev V. A., Lukichev P.N., Tarasova T.T., Real S.Ya., Shulga M.M. Socio-political moods of youth of the South of Russia: risks of radicalization//Bulletin of the Southern scientific center of RAS T.10. No. 1. 2016. Page 96.*

7. *Babintsev V. P., Ushamirskaya G.F., Ushamirsky A.E. Molodezh as subject of the regional conflicts//Knowledge. Understanding. Ability.-2016. No. 1. Page 94-103*

8. *Yanitsky O.N. Critical conditions of the environment of life and ways of adaptation to them//Russia which is reformed: Year-book [collection of scientific articles] / omv. edition M.K. Gorshkov; Institute of sociology of RAS. M, New chronograph, 2016. Issue 14. Page 58.*

9. *In the same place, page 62.*